

УДК 811.161.1

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КЛАССА ЛЕКСИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

© 2020 г.

М.В. Сандакова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

sandamarina@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.12.2019

Рассматриваются семантические, прагматические и функциональные особенности адъективных и адвербиальных интенсификаторов; выявляются тенденции их развития в русском языке конца XX в. и в XXI в. Используется метод семантического анализа, привлекаются данные Национального корпуса русского языка.

Пополнение класса лексических интенсификаторов происходит за счет качественных наречий и прилагательных. Указаны два основных типа их семантической трансформации.

Приводится характеристика динамических процессов в сфере лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода.

Ключевые слова: лексический интенсификатор, прилагательное, наречие, семантика, прагматика, синтагматика, оценочность, экспрессивность, метафора, лексикография.

1. Категория интенсивности и лексические интенсификаторы

В современной лингвистике интенсивность рассматривается как особая семантическая или функционально-семантическая категория [1–4] и как функционально-семантическое поле [5]. Исследователи отмечают сложный характер данной категории, представляющей собой синтез качественности, количественности и меры [5; 6]. Кваликативный характер категории определяется тем, что в роли интенсификаторов в языке выступают главным образом слова с качественной семантикой – качественные прилагательные и наречия. Количественный компонент обусловлен выражением возможной градации явления.

Связь между кваликативной и квантитативной характеристикой выражает мера. Под мерой в философии понимается категория, указывающая «предел, за которым изменение количества влечёт за собой изменение качества объекта и наоборот. Мера – это своего рода зона, в пределах которой данное качество может модифицироваться, сохраняя при этом свои существенные характеристики» [7]. Степень проявления свойства или процесса определяется по отношению к конкретной точке отсчёта, принимаемой за норму. Интенсификация предполагает отклонение от нормы по шкале «вправо» или «влево».

В зависимости от выражаемой меры явления можно различать несколько типов лексических интенсификаторов: 1) абсолютной, или высшей, степени свойства или процесса (*абсолютно,*

совершенно, совсем); 2) высокой степени (*очень, чрезмерно, потрясающе*); 3) средней степени (*достаточно, довольно*), 4) низкой степени (*чуть-чуть, немного, несколько*). Однако подчеркнём, что такое деление шкалы интенсификации на отрезки лишь условно.

Понятие интенсификации соответствует понятию Magn в модели «Смысл ↔ Текст» И.А. Мельчука. Параметр Magn (рассматриваемый в числе стандартных лексических функций) выражает смысл ‘очень’ (‘крайний’, ‘в высшей степени’). Противоположный смысл выражается с помощью сложной функции AntiMagn. Ср.: *бурные аплодисменты – жидкие аплодисменты; сильные, неотразимые доводы – слабые доводы* [8, с. 78–109].

Содержание интенсивности не исчерпывается установлением меры свойства или процесса. Интенсивность, кроме того, связана с категорией экспрессивности. Е.М. Галкина-Федорук в исследовании, посвященном проблеме соотношения эмоциональных и экспрессивных средств русского языка, отмечает нарастание экспрессивности в синонимических рядах: *способности – таланты, страшный – жуткий – ужасающий, хвалить – превозносить* и др. Не употребляя термина «интенсивность», автор делает вывод о связи между эмоциональностью, экспрессивностью и выражением усиления признака (действия). В работе выявлены единицы разных уровней языка, которые «играют выразительно-усилительную роль в речи» [9, с. 110]. Идеи о связи между категориями интенсивности и экспрессивности получили развитие в работах последующих лет, см. [10–13] и др. По наблюдениям Н.А. Лукьяновой, интенсивность (в сово-

купности с эмоциональной оценкой и образностью) является одной из семантических составляющих категории экспрессивности [10, с. 45–75].

Если мера отражает объективные свойства явлений, то интенсивность обычно связана с субъективными представлениями говорящего о мире. Как правило, «экспрессивное слово отражает не реальную меру явления, а представление о ней субъекта (отдельного лица или коллектива)» [10, с. 57]. Аналогичную мысль высказывает Е. В. Бельская: по её мнению, семантика интенсификатора «отражает субъективную качественно-количественную интерпретацию объекта реальной действительности с точки зрения его несоответствия нормативной степени своего проявления» [6, с. 207–208]. Выбор между номинациями *дождь* – *сильный дождь* – *мощный дождь* – *проливной дождь* – *неимоверный дождь* определяется не только реальной интенсивностью дождя, но и ощущениями человека. Таким образом, интенсификаторы служат средством выражения субъективного отношения к явлениям мира, которое, естественно, сопряжено с эмоциональной окрашенностью.

Интенсификация связана также и с оценкой. Как показано в работах Е.М. Вольф, О.П. Ермаковой, оценочность может порождать интенсификацию [14; 1]. Одни интенсификаторы тяготеют к обозначениям отрицательно оцениваемых, другие – положительно оцениваемых явлений, ср.: *невыносимо скучный, ужасающий развал, чудовищная несправедливость* – *несказанно рад, восхитительно красивый, впечатляющий успех, ослепительная красота*. Но многие интенсификаторы не имеют столь жёсткой привязанности и оценочно универсальны: *очень умён/глуп, поразительно красив/уродлив, довольно милый/неприятный*.

Интенсификация имеет установку на определённый прагматический эффект, см. [5; 15]. Как пишет Ю. П. Князев, «выражение усиления или ослабления признака может совмещаться с прагматическими задачами, а иногда и вытесняться ими» [15, с. 141]. С. Е. Родионова подчёркивает, что категория интенсивности производна «от особой прагматической категории, содержание которой может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий «выделенность (релевантность)» и «выдвижение» [5, с. 156]. Интенсификатор является средством, выделяющим данное явление из числа других, подчёркивающим его важность для говорящего и адресата.

2. Лексикографическое представление интенсификаторов

В словарях интенсификаторы обычно толкуются с помощью формулировок «очень

большой», «очень сильный», «чрезвычайный», «чрезмерный», «исключительный» и др. В случае метафорического происхождения даётся помета «перен.».

Лексикографическое представление значения интенсивности не всегда последовательно. Так, например, в Словаре под редакцией А.П. Евгеньевой среди прилагательных-интенсификаторов с приставкой *не-* данное значение сформулировано лишь для нескольких слов. Приведём примеры толкований: *Невероятный*: «2. Очень большой, чрезвычайный по силе своего проявления, по своим размерам и т. п. *Время летело с невероятной быстротой*» [16, т. II, с. 425]; *Неимоверный*: «Невероятный, чрезвычайный. *С неимоверным трудом я подвигался вперёд*» [16, т. II, с. 448]; *Неправдоподобный*: «// Необычный, чрезвычайный. *Волнение всё нарастало, пока не превратилось в ощущение неправдоподобного и почти нестерпимого счастья*» [16, т. II, с. 467]; *Несказанный*: «// Очень сильный, чрезвычайный. *Жалость несказанная стиснула мне сердце*» [16, т. II, с. 478].

Однако в словаре значение данного типа не зафиксировано у слов, которые явно им обладают: *небывалый, недопустимый, невозможный, невообразимый, невыносимый, невыразимый, немислимый, непозволительный, неостижимый, непреодолимый, неслыханный, нестерпимый* и др.

3. Механизмы развития интенсификационного значения и сочетаемость

Пополнение класса лексических интенсификаторов происходит на базе имеющихся в языке качественных наречий и прилагательных, которые претерпевают семантическую трансформацию.

Источником семантики интенсивности может быть оценочное слово. О связи оценки и интенсификации писала Е.М. Вольф. По её наблюдениям, закономерность состоит в том, что если определение-прилагательное при сочетании с неогночным словом выражает оценку, то при сочетании с содержащим оценку словом такое определение становится интенсификатором. Ср.: *Какая ужасная погода!* (оценка) – *Какая ужасная беда!* (интенсификация) [14, с. 44]. Как подчёркивает Г.И. Кустова, «для оценочных слов типичен переход в класс Магн'ов: *ужасные условия, ужасная история* ('плохой') – *ужасный скандал, ужасные мучения* (оценка + степень)» [17, с. 265]. О способности оценочных наречий выступать в роли интенсификаторов пишет О.А. Усачёва [18].

В лингвистической литературе описаны различные механизмы формирования значения интенсивности. Г.И. Кустова предлагает различать парадигматический и синтагматический механизмы. Парадигматический механизм, строящийся на аналогии, порождает разные виды интенсификаторов: метафорические (*твёрдая поверхность – твёрдая уверенность*) и компаративные (*рабский труд – рабская покорность, ослиные уши – ослиное упрямство*). Синтагматический механизм связан с действием метонимической модели, которая порождает имплицативные интенсификаторы (*удивительный дом – удивительная смелость*), см. [17].

По наблюдениям О.П. Ермаковой, есть два основных способа пополнения класса интенсификаторов. Во-первых, это формирование семантики интенсивности на базе метафорического переноса; во-вторых, «вычленение семы “очень”, содержащейся в определённых качественных значениях, – в отдельное самостоятельное значение» [1, с. 85]. Ср.: *сказочный Дед Мороз – сказочное богатство* (метафора) и *страшный зверь – страшная жара* (вычленение семы “очень”).

Заметим, что актуализация интенсификационного компонента и метафоризация сочетаются друг с другом. Например, *оглушительный грохот – оглушительный успех*. В прямом значении присутствует сема ‘очень’, что отражено в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова: «1. Очень громкий, способный оглушить». Ср. толкование вторичного интенсификационного значения, возникающего в результате метафорического переноса: «2. Очень сильный, ошеломляющий» [19, с. 696].

Этапом на пути становления интенсификационного значения исходно относительного прилагательного становится его переход в разряд качественных: *астрономические приборы – астрономические цены, волчье логово – волчий аппетит, космический полёт – космические масштабы, патологические симптомы – патологический лжец, свинцовая пуля – свинцовая тяжесть, собачья конура – собачий холод, фантастический рассказ – фантастический триумф, ювелирные украшения – ювелирная точность* и др.

Изменения прилагательного или наречия при их вхождении в разряд интенсификаторов весьма существенны. Огрублённо их можно разделить на два типа.

1. Семантическая редукция до идеи чистой интенсивности, в результате чего прилагательное или наречие становится синонимом универсальных интенсификаторов *очень, совсем, абсолютный* и др. О такой эволюции значения гово-

рится в [17; 1]. Г.И. Кустова пишет, что «у многих качественных слов конечным пунктом, последней стадией семантического развития оказывается степенное значение» [17, с. 264].

Одним из показателей семантической редукции является расширение круга явлений, подпадающих под действие интенсификатора, и соответствующее увеличение его сочетаемостных возможностей. Например, для интенсификаторов *безграничный/безгранично* возможны не только контексты *безграничный простор*, но и *безграничная глупость, безграничные возможности, безгранично верить, безгранично многообразный* и др. Для интенсификаторов *страшный/страшно*, *ужасный/ужасно* возможны не только контексты *страшно разозлиться, ужасная паника*, но и *страшно умный* и даже *ужасно вкусно, ужасно красивая*.

2. Актуализация интенсификационного компонента значения при переосмыслении качественно-оценочного компонента и его смещения на второй план. В этом случае полного вытеснения исходного семантического содержания не происходит. Как отметила Е.В. Терентьева, «собственно интенсификаторы имеют ослабленное качественно-оценочное значение (подчёркнуто нами. – М.С.) и являются показателями степени качества» [12, с. 135].

Интересно, что даже у интенсификаторов, которые, согласно словарному толкованию, выражают только значение интенсивности, всё же может сохраняться и переосмысленное значение свойства. Например, для слова *яростный* даётся следующая формулировка: «3. Чрезмерный, крайний в своём проявлении; необычайный по силе, интенсивности» [19, с. 1533]. В этом толковании сформулировано только значение интенсивности. Однако иллюстрирующие контексты «*Яростное кваканье лягушек. Работать с яростным упорством. Яростная любовь*» [19, с. 1533] показывают присутствие метафоризованного свойства (‘словно в ярости’), придающего интенсификатору экспрессивность. Значение свойства присутствует при описании действий человека (*яростная атака, оборона, упорство, нападки, порыв, спор*), а также природных явлений (*яростный ветер, вихрь, шум*). Ср. в текстах: *Недалеко от селения Казбек переехали мы через Бешеную балку, овраг, во время сильных дождей превращающийся в яростный поток*. (А.С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. 1835) [НКРЯ]; *Марлен Михайлович между тем выбежал из отеля и рванул по пустынной, короткой и тёмной улице, где кипели под яростным ветром можжевеловые кусты...* (В. Аксёнов. Остров Крым. 1977–1979) [НКРЯ]; *Огонь*

костерка был невидим – сухой боярышник горел яростно, жарко, бездымно... (А. Убогий. Стара Ляля.).

Семантика интенсивности и свойства обычно выступают совместно у интенсификаторов, имеющих образно-метафорическое происхождение. Например: *циклопические сооружения* (прямое значение: *сооружения, возведение которых приписывалось циклопам*) – *циклопические усилия, стройка*; интенсификационное значение «Огромный, исполинский» [19, с. 1463]. А также: *арктические льды* (прямое значение: *льды Арктики*) – *арктический холод* (когда речь идёт не об Арктике): интенсификационное значение ‘очень сильный; такой, как в Арктике’.

При метафорическом переносе обычно происходит актуализация ряда когнитивных признаков того концепта, который стоит за словом, словообразовательно мотивирующим интенсификатор. Эти признаки формируют сочетаемостный диапазон интенсификатора.

Приведём два примера. Слово *ангельский* имеет интенсификационное значение: «Такой, как у ангела; чрезвычайно добрый, кроткий, нежный» [19, с. 39]. Такие признаки концепта *ангел*, как *чистота, кротость, доброта, красота, безгрешность* и другие, объективируются в словосочетаниях: *ангельская кротость, чистота, терпение; ангельски невинен, красив, мил* и др. Слово *калейдоскопический* употребляется в значении «Меняющийся быстро, как в калейдоскопе» [19, с. 411]. Толкование отражает степень интенсивности скорости перемен, смены одного явления другим. Добавим, что с представлением о калейдоскопе связаны такие признаки, как *разнообразие, яркость, красота, многоцветность, кратковременность, непредсказуемость* и др., которые получают реализацию в синтагматических возможностях прилагательного и наречия. Ср. примеры: *Однако вся эта калейдоскопическая круговерть с кратковременным пришествием во власть различных политических сил была своеобразной, но неотъемлемой частицей тогдашнего всероссийского хаоса.* (В. Булдаков. Семнадцатый век и семнадцатый год. Родина. 1999) [НКРЯ]; *При калейдоскопическом разнообразии есть и общие черты у стран Азиатского континента.* (Е.М. Примаков. Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. 2009) [НКРЯ]; *Яркие картины африканской природы менялись калейдоскопически.* (В. Добровольский. Красные земли «чёрного континента». Химия и жизнь. 1970) [НКРЯ].

Совмещение значений степени и свойства можно наблюдать и в индивидуально-авторских

метафорах. Например, *самумный разгром* означает высокую степень беспорядка, возникшего словно в результате самума; *банная жара* – это очень сильная жара (как в бане), и др. Ср. в авторских контекстах: *У Чалдоновых – впервые на памяти Линдта – царил самумный разгром.* (М. Степнова. Женщины Лазаря); *Баскетбольного роста стюардесса прошла со стаканом воды.* (Л. Улицкая. Зелёный шатёр); *В отсеке стенки и потолок раскалились от солнца, а банная жара не вытекала из приоткрытых кормовых дверей: в общем, днём машины превратились в душегубки.* (А. Иванов. Ненастье); *Снежная толща, поглотившая город, достигла археологических порядков и величин. Погребённый под слоем пепла древний Геркуланум и многострадальные Помпеи – вот что могло сравниться с городом, на который Филиппов смотрел сейчас из окна автомобиля.* (А. Геласимов. Холод).

4. Динамические процессы в сфере лексических интенсификаторов в русском языке конца XX в. и в XXI в.

В русском языке конца XX в. и в XXI в. наблюдаются изменения, свидетельствующие о динамичности категории интенсивности. Такие явления, как усиление личностного начала речи, повышение раскованности и эмоциональности, смягчение литературной нормы, описанные в исследованиях, посвящённых русскому языку новейшего периода (см., например, [20]), служат факторами, которые способствуют развитию данной категории. По нашим наблюдениям, сегодня в сфере лексических интенсификаторов происходят следующие процессы: 1) расширение сочетаемости ряда интенсификаторов и преодоление прежних сочетаемостных запретов; 2) пополнение класса интенсификаторов новыми единицами.

Расширение сочетаемости ряда интенсификаторов и преодоление прежних сочетаемостных запретов. Образование словосочетаний с интенсификаторами определяется закономерностями семантического согласования или регулируется правилами лексической сочетаемости. Сочетаемость многих интенсификаторов лексикализована и задаётся списочным составом слов. Интенсификаторы с фразеологически связанными значениями образуют идиоматические словосочетания (*волчий – аппетит, круглый – дурак, напрочь – оторвать*).

В настоящее время происходит расширение синтагматических возможностей целого ряда интенсификаторов. Например, расширили свою сочетаемость слова *астрономический, астро-*

номически, космический, космически, крайний, крайне.

Сочетаемостьные возможности слова **астрономический**, судя по словарям, ограничиваются лексикой тематической области цифр, чисел и сумм: *астрономическая задолженность, стоимость, суммы, цифра, число* и др., (см. [21]). Однако сегодня этот интенсификатор преодолевает данные рамки: *Терпели, когда премия расходовалась на попытки хоть как-то расстрясти астрономический тираж «Даниэля Штайна...» Улицкой... (ЛГ. 2010.07.12); ... Американцы совершенно утратили интерес... к астрономическим дырам в экономике, к безработице... (ЛГ. 2009.23.09); А в «Евгении Онегине» гастрономический гений Пушкина достигает высот чуть ли не астрономических: Пред ним roast-beef окровавленный, И трюфли, роскошь юных лет... (ЛГ. 2009.21.10). Ср. также сочетаемость наречия **астрономически**: ...Нынешние российские функционеры, астрономически обогатившиеся в бесхозные 90-е годы на махинациях с госбюджетом, при первой же опасности быть наказанными останутся за границей. (ЛГ. 2014.17.09).*

Космический, по словарям, относится к интенсификаторам с узкой сочетаемостью: *космический масштаб, скорость* [21]. Однако в современном употреблении его сочетаемость резко расширилась: *Угрызения, колебания... – всё, что вменяется русской литературой интеллигенту, – это просто симптомы его космического непрофессионализма. (ЛГ. 2014.09.07); «Майор Звягин»... под завязку набит рекомендациями космического масштаба и космической же глупости. (ЛГ. 2015.03.06); Вы почти два года провели на стажировках в ведущих кардиохирургических клиниках США... <...> Правда ли, что есть космическая разница в формате отношений врача с пациентом? (ЛГ. 2018.28.02).*

Весьма свободно и синтагматическое поведение наречия **космически** (отсутствующего в словарях): *Ну, просто вообразите, сударь, такую космически редкую удачу – нежданно-негаданно натолкнуться на четвероюродного брата... (В. Аксёнов. Новый сладостный стиль. 2005) [НКРЯ]; «Ах, душа моя, я безумно, ну, просто космически занят». (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки. 2009) [НКРЯ]; ... Помню до мелочей, будто и не был космически пьян. (М. Кураев. Записки беглого кинематографиста. 2001) [НКРЯ].*

Интенсификаторы **крайний**, **крайне** обретают способность сочетаться с названиями явлений, имеющих положительную оценочность, тогда как норма предписывает для них употреб-

ление в сочетаниях с общей пейоративной оценкой. Например, перестали быть редкостью словосочетания типа *крайнее разнообразие стилей, крайний патриотизм, крайне успешное выступление* и под. Встречаются сочетания этих интенсификаторов даже с прилагательными и наречиями общей оценки: *крайне положительный отзыв, зарекомендовать себя крайне хорошо*. А также: *В последние два года на динамику этого сегмента крайне позитивно влияет развитие страхования по «коробочной» технологии... (Е. Обухова. Год сжатия. «Эксперт». 2015) [НКРЯ].*

Новые сочетания со словами **крайний**, **крайне** нестандартны и обладают повышенной экспрессивностью, однако сомнительны с точки зрения традиций литературного языка и нормативных установок. Подробнее об этом говорится в нашей статье [22].

Пополнение класса интенсификаторов новыми единицами. В русском языке новейшего периода ощущается очевидная потребность в обновлении и дополнении репертуара интенсификаторов. Недостаточными оказываются не только слова *очень, весьма, совсем, совершенно, чрезвычайно*, у которых интенсификация признака сочетается с стилистической нейтральностью и эмоциональной сдержанностью. Постепенно становятся привычными и многие экспрессивные интенсификаторы, обладающие яркой внутренней формой и образностью: *ужасный эгоист, потрясающее многообразие, вопиющая несправедливость, сказочно богат, ослепительно красива*.

Потребность в новых, более свежих средствах удовлетворяется благодаря постоянному расширению класса интенсификаторов, в который втягиваются всё новые наречия и прилагательные. Пополнение происходит разными путями: а) путём внутреннего заимствования из некодифицированных подсистем языка; б) за счет развития интенсификационного значения у ряда прилагательных и наречий литературного языка.

Некодифицированные подсистемы русского языка (жаргоны и просторечие) сегодня служат источником внутреннего заимствования интенсификаторов. Таково происхождение прилагательных *кайфовый, классный, клёвый, крутой, неслабый, нехилый, обалденный, отпадный, офигенный, офигительный, охренительный, суперский, чумовой* и др. (большая часть из них имеет также адвербиальные производные). Приведём фрагменты некоторых толкований. *Неслабый*: «Большой, сильный, громкий. Неслабая драка, неслабые деньги, неслабая карьера» [23, с. 123]. *Обалденный*: «Высшая положи-

тельная оценка» [23, с. 125]. Чумовой: «Выражение высшей степени положительной оценки: потрясающий, сногшибательный, замечательный» [23, с. 253]. Встречаемость интенсификаторов – внутренних заимствований в современной разговорной речи и в языке СМИ отмечает в своей работе С. Е. Родионова [5, с. 162].

Другой источник пополнения – это развитие значения высокой степени у целого ряда прилагательных и наречий литературного языка. Г.И. Кустова, основываясь на данных НКРЯ, выявляет употребление новых словосочетаний, которые говорят об этом процессе: *лайнерская, крейсерская, пожарная, ураганная скорость; калейдоскопическая, лихорадочная быстрота* [17, с. 265]. Опишем ещё несколько новых интенсификаторов.

Ажиотажный, ажиотажно

В толковых словарях данные интенсификаторы пока не фиксируются, есть лишь существительное *ажитаж*, см. [16, т. I; 19] и др. *Ажитажный* означает высокую степень интенсивности какой-либо деятельности и при этом наследует такие признаки концепта *ажитаж*, как ‘волнение’, ‘возбуждение’, ‘борьба’, ‘суета’.

Судя по данным НКРЯ, сегодня наиболее частотным является словосочетание *ажитажный спрос* (на товары, продукты, гречку, соль, автомобили, технику, доллары, билеты), очевидно, появившееся первым. Кроме него, встречаются и *ажитажный сброс рублей, распродажа, покупка, скупка, рекламная кампания, публикации* и др. Ср. также: *Третьяковская галерея, в последние месяцы пережившая ажитажный наплыв зрителей, провела «работу над ошибками»...* (Труд. 2016.14.02); *Иркутская публика с ажитажным интересом откликнулась на все... предложения.* (ЛГ. 2017.04.10). Встречается, хотя и более редко, наречный интенсификатор: *Население и банки развивающихся стран начинают ажитажно скупать доллар, считая доллар надёжной валютой.* (Форум: Новая волна или продолжение старой?! 2010) [НКРЯ]; *Песня Л. Васильевой и композитора В. Овчинникова «Баллада о строителях БАМа» не стала ажитажно популярной.* (ЛГ. 2019.06.03).

Клинический, клинически

Получают распространение интенсификаторы *клинический, клинически*, которые служат для выражения высокой степени человеческой глупости и сочетаются с оценочными номинациями *дурак, дура, идиот, дебил, болван, глупый* и др. Они пополняют синонимический ряд *круглый, полный, непроходимый, абсолютный*. «Медицинская» метафора, лежащая в их основе, способствует усилению экспрессивности, что

отличает новые интенсификаторы от привычных определений. Ср: *Алиска, конечно, клиническая дура, но с этим ничего не поделать...* (Н. Дежнев. Принцип неопределённости. 2009) [НКРЯ]; *Радость надо уметь хранить, иначе можно превратиться в клинического идиота Серёжу из соседнего подъезда и проорать всю радость... и пробежать бесцельно всю радость туда-сюда по двору.* (Т. Соломатина. Мой одесский язык. 2011) [НКРЯ]. В такой же функции употребляется наречие: *Фоном может быть шорох листвы за окном. <...> Но не может быть фоном трель дебила, пусть короткая, но клинически глупая трель.* (ЛГ. 2013.13.03).

Нереальный, нереально

Актуальность этих слов возросла на рубеже XX–XXI вв. и в XXI в., что связано, в частности, с новыми информационными технологиями, изменившими мир и наши представления о нём. Развитие искусственного интеллекта, появление Интернета породило и отрицательные социально-психологические последствия, связанные с виртуализацией многих сфер жизни, подменой реального мира «виртуальной реальностью». Всё это привлекает внимание общества к проблеме осознания сущности *реального* и *нереального, виртуального*, делает эти понятия концептуально значимыми (см. [24]).

До конца XX века слова *нереальный, нереально* не входили в число интенсификаторов. Приведём толкование прилагательного *нереальный*, где формулируются следующие значения: «1. Не существующий в действительности; вообразимый. Гомеровскую Трои долго считали нереальной. // Непохожий на действительность; фантастический, сказочный. Сюжет фильма был нереальным. Нереальные лунные пейзажи. 2. Такой, который не может быть осуществлён из-за отсутствия реальной основы; неосуществимый. Нереальное предложение. Нереальный проект. Нереальная мечта» [19, с. 639]. Наречие *нереально* толкуется с отсылкой к прилагательному, ср.: «Нареч. к *нереальный*. [Небо] кипело чернотой и грохотом, только смутно и нереально посверкивали в нём плоскости пикирующих “юнкеров”» [16, т. II, с. 476].

Можно предположить, что актуализация семантики *нереального* дала толчок к эволюции данных слов в направлении развития интенсификационного значения. Это значение пока не получило словарного представления, в том числе в «Словаре русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» Г.И. Кустовой [21] и «Толковом словаре русской разговорной речи» под редакцией Л.П. Крысина [25]. Между тем в настоящий момент они становятся всё более употребительными в языке СМИ и

рекламы, в разговорной речи и интернет-коммуникации.

Анализ употреблений показывает, что в формировании интенсификационного значения участвует как актуализация компонента значения 'высокая степень', так и метафорический механизм. Семантические компоненты прямого значения 'не существующий в реальности', 'вымышленный', 'сказочный, фантастический', так же как и метафорические смыслы 'как будто не существующий в реальности', 'похожий на вымысел', 'как будто сказочный, фантастический', имплицитно сему 'интенсивность'. Этот семантический компонент может актуализироваться, становясь в значении слова основным либо единственным.

В сочетании с абстрактными именами существительными со значением свойства или явления, имеющего градацию, прилагательному *нереальный* свойственно выступать в чисто интенсификационной функции: *достичь нереальной высоты, набрать нереальную скорость, нереальная красота весенней степи, выполнить задачу нереальной сложности*. Приведём также несколько примеров в более широких контекстах: *Франция сейчас набрала нереальный темп, поэтому будет доминировать всю игру...* (КП. 2018.03.07); *Но азарт нереальный*. <...> *Открылось второе дыхание, я снова в своей стихии*. (Труд. 2010.21.01); *Дома, в уютной московской квартире, его ждёт... символ нереального успеха – видеомаягнитофон с видеокассетой с концертом Эдди Мёрфи*. (Weekend. 2019.21.01); *Это ведь слияние двух океанов, постоянно – огромные волны, ветра... И шум нереальный, просто кипит под тобой вода*. (ЛГ. 2010.08.04); *Я в прошлом году была в одном региональном образцово-показательном детском доме. С прекрасной мебелью, лепниной, садом, нереальная красота*. (Коммерсантъ. 2019.10.05); *«В этом году... резко возросло количество издательств, литературных журналов, союзов, университетов и библиотек» – так объясняет нереальный объём председатель жюри...* (ЛГ. 2011.22.06); *Причём даже и не бегунья в чистом виде, а семиборка. Выше всех на голову... И отрыв у неё нереальный*. (ЛГ. 2014.19.08); *Эти соревнования – нереальный эмоциональный заряд...* (КП. 2017.10.08); *... Мы нашли совершенно уникальный формат... для такого нереального по уровню насыщенности событиями фестиваля, в котором участвуют издательства от Калининграда до Владивостока*. (ЛГ. 2018.05.12).

В сочетании с именами лиц и конкретных предметов обычно выражается степенная характеристика сигнификата имени. Например,

словосочетание *нереальный красавец* подразумевает высокую степень красоты, *нереальный пианист* – высокую степень таланта и профессионализма, *нереальный подарок* – высокие качества и ценность предмета. В контекстах такого типа обычно сохраняется и семантика свойства *нереальности*: 'настолько хорош, что кажется нереальным'. Приведём несколько примеров в более широких контекстах: *Вместе с ними выступает бэнд – рыжая барабанищица, нереальный пианист и brutальные гитаристы*. (КП. 2013.26.09); *Вслух говорят совершенно другое: «Ты нереальный актёр, высшая лига, а в танце так вообще молодой Барышников»*. (КП. 2016.06.07); *Вот читаю, и выходит, как будто я снобище нереальный...* (Форум: новые родственники – как уживёмся? 2008) [НКРЯ]; *«Какие же вы нереальные!»: группа Би-2 произвела фурор в Нижнем Новгороде*. (КП. 2018.09.11). Заметим, что словосочетания с конкретными существительными производят впечатление большей разговорности и, возможно, некоторой небрежности и некорректности.

Наречие *нереально* сочетается с прилагательными, наречиями и глаголами: *нереально удивить, нереально чисто исполнить, нереально красивая девушка*. Ср. также: *В такое время года я обожаю тюльпаны просто нереально*. (ЛГ. 2010.08.04); *Само здание нереально поразительно*. (Форум: Холивар. 2012.) [НКРЯ]; *Чистая линия. Нереально вкусное мороженое!* (Из рекламы); *Женя тогда был... с копной курчавых каштановых волос, нереально объёмных*. (С. Спивакова. Не всё. 2002.) [НКРЯ]; *Он – испанец с Гибралтара с нереально смуглой от природы кожей...* (С. Спивакова. Не всё. 2002.) [НКРЯ]; *Блестящие эпизодики, культовые фразы, вполне разумная и логичная основная линия действия, нереально звёздный... состав...* (Форум: Большая перемена. 2001–2011.) [НКРЯ]; *Ещё 15% очень стараются... т. е. приобретают тупо «накатанный» навык, зато порой чувствуют себя ну нереально умными*. (Форум: Пост о неадекватности. 2011.) [НКРЯ]; *Я люблю рекламу Мегафона и сока Добрый... нереально добрые рекламы*. (Рекламные ролики на TV. 2007.) [НКРЯ]; *Машина петляет по нереально красивому горному серпантину*. (ЛГ. 2008.17.09); *...Среди их врагов оказываются... старейшины забытого русского племени отшельников, и поныне умеющие превращать обычные камни в нереально чистое золото*. (ЛГ. 2009.25.11); *Отзывы спикеров и участников прошедших В-WEEK: «Было нереально круто...»* (Коммерсантъ-Урал-Online. 2019.04.04). Судя по материалам Национального корпуса русского языка, частотность адвербиального интенсификатора выше, чем адъективного.

Прагматическая установка говорящего при выборе данных интенсификаторов обычно связана с выражением одобрения. Употребления в отрицательно-оценочных контекстах возможны, хотя более редки: *нереально устрашающий вид, нереально раздражать, нереально взвинтить тарифы*. А также: *За благополучным фасадом – наглое расхищение бюджета..., раздача «своим» фирмам подрядов по нереально завышенным ценам...* (ЛГ. 2010.03.11); *...Просто нереально бесит реклама Скитлз, где медведь обвалился в конфетах, а потом с него эти конфеты едят.* (Рекламные ролики на TV. 2007.) [НКРЯ]; *Этот коллапс... затронет и Кремлёвскую набережную, всё будет стоять из-за того, что в Котельниках запускается метро. Это просто нереальный просчёт московского правительства.* (Коммерсантъ FM. 2019.08.08).

Слова *нереальный, нереально* пополнили синонимический ряд интенсификаторов *невероятный, фантастический* и др. Ср. их сочетание в одном контексте: – *Это круто!!! Филипп, Вы просто невероятный!!* <...> – *Шоу – фантастическое! Впечатлений уйма!* <...> – *Сегодня в очередной раз ты подарил нам нереальный праздник, который запомнится навсегда...* (КП. 2019.19.02).

Заметим, что в современной речи интенсификаторы *нереальный, нереально*, а также *фантастический, фантастически* явно вытесняют синонимичные прилагательные *невероятный, невообразимый, немыслимый, неимоверный* и наречия *невероятно, невообразимо, немыслимо, неимоверно*.

Всё изложенное позволяет сделать вывод о динамичности семантической категории интенсивности в русском языке новейшего периода. Лексические интенсификаторы, представляющие собой одну из «точек роста» в современной лексике, заслуживают изучения как в функционально-семантическом, так и в лексикографическом и нормативном аспектах.

Список литературы

1. Ермакова О.П. Семантические категории в лексике и грамматике русского языка: Учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2015. 96 с.
2. Супрун А.Е. Общая характеристика семантики количественности // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1996. С. 162–170.
3. Иванча А.В. Прилагательные со значением интенсивности в русском языке // Известия Саратовского ун-та. Серия «Филология. Журналистика». 2010. Т. 10. Вып. 4. С. 9–11.
4. Кадысева С.С. Категория интенсивности в системе функционально-семантических, функционально-стилистических категорий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5. С. 196–199.
5. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб., 2005. С. 150–168.
6. Бельская Е.В. Проблема интенсивности в современной отечественной лексикологии // Вестник Томского ун-та. 2004. № 282. С. 202–210.
7. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/fc/slovar-204-2.htm#zag-1479>
8. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика. Синтаксис. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XXII, 346 с.
9. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию / Под общ. ред. А.И. Ефимова. М., 1958. С. 103–124.
10. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1996. 231 с.
11. Красильникова Е.В. Экспрессивность как свойство разговорной речи // Вопросы культуры речи. Вып. IX / Отв. ред. А.Д. Шмелёв; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Наука, 2007. С. 202–209.
12. Терентьева Е.В. Семантическое содержание прилагательных в функции собственно интенсификаторов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 134–139.
13. Егорова В.Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 224–226.
14. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
15. Князев Ю.П. Степени сравнения и точка отсчёта // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1996. С. 129–145.
16. Словарь русского языка в четырёх томах. Изд. 3-е. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985.
17. Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы-прилагательные) // Слово и язык: Сб. ст. к 80-летию Ю.Д. Апресяна / Отв. ред. И.М. Богуславский. М., 2011. С. 256–268.
18. Усачёва О.А. Оценочные наречия как средство выражения интенсивности различных признаков // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3. 2. С. 213–217.
19. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001.
20. Крысин Л.П. Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – начала XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 2008. С. 13–29.

21. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/magn.php>

22. Сандакова М.В. *Крайне положительный результат* (о синтагматике наречия *крайне*) // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: Сб. ст. по материалам Международной научной конференции. Н. Новгород, 2019. С. 159–167.

23. Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / Под общ. рук. Р.И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999. 320 с.

24. Сандакова М.В. Семантическая оппозиция *реального и нереального* в современной речи // Вестник ВятГГУ. Киров, 2009. № 3. С. 106–110.

25. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2: К – О / Отв. ред. Л.П. Крысин. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 864 с.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE CLASS OF LEXICAL INTENSIFIERS IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

M.V. Sandakova

This article examines additive and adverbial intensifiers in the aspect of their semantic, pragmatic and functional peculiarities and reveals the trends of their development in the Russian language of the late 20th century and in the 21st century.

The class of lexical intensifiers is enriched by means of qualitative adverbs and adjectives. Two main types of their semantic transformation are specified.

Dynamic processes in the sphere of lexical intensifiers in the contemporary Russian language are characterized.

Keywords: lexical intensifiers, adjective, adverb, semantics, pragmatics, syntagmatics, evaluation, expressiveness, metaphor, lexicography.

References

1. Ermakova O.P. Semanticheskie kategorii v leksike i grammatike russkogo yazyka: Ucheb. posobie. M.: Flinta : Nauka, 2015. 96 s.

2. Suprun A.E. Obshchaya harakteristika semantiki kolichestvennosti // Teoriya funkcional'noj grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost' / Otv. red. A.V. Bondarko. SPb., 1996. S. 162–170.

3. Ivancha A.V. Prilagatel'nye so znacheniem intensivnosti v russkom yazyke // Izvestiya Saratovskogo un-ta. Seriya «Filologiya. Zhurnalistika». 2010. T. 10. Vyp. 4. S. 9–11.

4. Kadyseva S.S. Kategoriya intensivnosti v sisteme funkcional'no-semanticheskikh, funkcional'no-stilisticheskikh kategorij // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2010. T. 12. № 5. S. 196–199.

5. Rodionova S.E. Semantika intensivnosti i eyo vyrazhenie v sovremennom russkom yazyke // Problemy funkcional'noj grammatiki. Polevye struktury / Otv. red. A.V. Bondarko, S.A. Shubik. SPb., 2005. S. 150–168.

6. Bel'skaya E.V. Problema intensivnosti v sovremennoj otechestvennoj leksikologii // Vestnik Tomskogo un-ta. 2004. № 282. S. 202–210.

7. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/fc/slovar-204-2.htm#zag-1479>

8. Mel'chuk I.A. Opyt teorii lingvisticheskikh modelej «Smysl ↔ Tekst». Semantika. Sintaksis. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. I–XXII, 346 s.

9. Galkina-Fedoruk E.M. Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke // Sbornik statej po yazykoznaniju / Pod obshch. red. A.I. Efimova. M., 1958. S. 103–124.

10. Luk'yanova N. A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki). Novosibirsk: Nauka, 1996. 231 s.

11. Krasil'nikova E.V. Ekspressivnost' kak svojstvo razgovornoj rechi // Voprosy kul'tury rechi. Vyp. IX / Otv. red. A.D. Shmelyov; In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN. M.: Nauka, 2007. S. 202–209.

12. Terent'eva E.V. Semanticheskoe sodержanie prilagatel'nyh v funkcii sobstvenno intensivifikatorov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 5. S. 134–139.

13. Egorova V.N. K voprosu opredeleniya intensivnosti v sovremennom yazykoznanii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2009. № 6 (2). S. 224–226.

14. Vol'f E.M. Funkcional'naya semantika ocenki. M.: Editorial URSS, 2002. 280 s.

15. Knyazev Yu.P. Stepeni sravneniya i tochka otshyota // Teoriya funkcional'noj grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost' / Otv. red. A.V. Bondarko. SPb., 1996. S. 129–145.

16. Slovar' russkogo yazyka v chetyryoh tomah. Izd. 3-e. / Gl. red. A.P. Evgen'eva. M.: Russkij yazyk, 1985.

17. Kustova G.I. Slova so znacheniem vysokoj stepeni: semanticheskie modeli i semanticheskie mekhanizmy (Magn'y-prilagatel'nye) // Slovo i yazyk: Sb. st. k 80-letiyu Yu.D. Apresyana / Otv. red. I.M. Boguslavskij. M., 2011. S. 256–268.

18. Usachyova O.A. Ochenochnye narechiya kak sredstvo vyrazheniya intensivnosti razlichnyh priznakov // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2016. № 3. 2. S. 213–217.

19. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2001.

20. Krysin L.P. Aktivnye processy v russkom yazyke konca XX – nachala XXI veka // Sovremennyy russkij yazyk: Aktivnye processy na rubezhe XX – nachala XXI vekov / In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. M., 2008. S. 13–29.

21. Kustova G.I. Slovar' russkoj idiomatiki. Sochetaniya slov so znacheniem vysokoj stepeni [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://dict.ruslang.ru/magn.php>
22. Sandakova M.V. Krajne polozhitel'nyj rezul'tat (o sintagmatike narechiya krajne) // Nacional'nye kody v yazyke i literature. Sovremennye yazyki v novyh usloviyah kommunikacii: Sb. st. po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. N. Novgorod, 2019. S. 159–167.
23. Ermakova O.P., Zemskaya E.A., Rozina R.I. Slova, s kotorymi my vse vstrechalis': Tolkovyj slovar' russkogo obshchego zhargona / Pod obshch. ruk. R.I. Rozinoj. M.: Azbukovnik, 1999. 320 s.
24. Sandakova M.V. Semanticheskaya oppoziciya real'nogo i nereal'nogo v sovremennoj rechi // Vestnik VyatGGU. Kirov, 2009. № 3. S. 106–110.
25. Tolkovyj slovar' russkoj razgovornoj rechi. Vyp. 2: K – O / Otv. red. L.P. Krysin. 2-e izd. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2017. 864 s.